

А. ФЛАКЕР

«МАРФА ПОСАДНИЦА» КАРАМЗИНА В ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Возрождение хорватской национальной литературы в 30—40-х годах XIX в. на основе штокавских говоров сербохорватского языка явилось сложным процессом. Решая тогда проблему литературного языка, хорватская литература одновременно в ускоренном своем развитии должна была решить проблемы литературных стилей и жанров, найти им соответствие в национальных литературных традициях и в процессах, которые происходили в европейских литературах, особенно в вопросе об общественной функции литературы в условиях формирования нации и национального движения.

Большую роль в ходе возрождения хорватской литературы несомненно сыграло наличие национальной литературной традиции периода расцвета литературы в Далмации и Дубровнике и богатая традиция устного творчества. На восстановление хорватской литературы оказывали также большое воздействие европейские литературы, начиная с образцов классической литературы и европейского классицизма вплоть до предромантических явлений и уже современных романтических веяний, значение которых, между прочим, в научной литературе об «иллиризме» явно преувеличивается. Среди воздействующих на хорватский литературно-исторический процесс особенное значение имели, кроме немецкой, литературы славянских народов, в том числе и русская. Однако сразу же надо отметить, что все эти традиции и литературные образцы на хорватской почве видоизменялись в связи со специфическими задачами литературы внутри национального движения, известного под названием «иллиризма», и что вследствие подчиненности литературы этим задачам хорватская литература едва ли в своем «ускоренном развитии» в первой половине XIX в. могла создать полностью созревшие формы и виды, подобно созданным развитыми европейскими литературами.¹

¹ См. ценные методологические замечания к вопросу об «ускоренном развитии» в кн.: Г. Д. Гачев. Ускоренное развитие литературы. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 14.

Именно в связи с этими основными чертами литературного процесса в Хорватии 30—40-х годов XIX в. надо судить о месте и значении для хорватской литературы перевода повести Карамзина «Марфа Посадница». Появившись в 1842 г. в первом томе «Разных произведений» Ивана Кукулевича Сакцинского,² выдающегося политического и культурного деятеля «иллирийского» движения, повесть Карамзина стала крупным литературным событием. Она часто цитируется наравне с другими рассказами Кукулевича, как одно из первых произведений хорватской прозы. Однако при сравнении «Марфы Посадницы» Кукулевича, сопровождаемой примечанием, что она написана «по Карамзину» (polag Karamzina), с карамзинской повестью, сразу же бросается в глаза, что это по существу довольно точный перевод с русского с некоторыми небольшими изменениями.

Изменения, сделанные Кукулевичем в повести Карамзина, объясняются идейной позицией деятеля «иллирийского» движения и относятся главным образом к тем местам, где речь идет о личности и образе Ивана III. Кукулевич, например, не перевел знаменательного для Карамзина предисловия, в котором оправдываются поступки «мудрого Иоанна», а сопротивление новгородцев называется «безрассудным». Кроме того, Кукулевич в конце повести устраняет почти все высказывания, где идет речь о «благородстве» московского великого князя. Так, например, в переводе Кукулевича отсутствует авторский комментарий об Иоанне, угощающем новгородских бояр, в котором говорится о «великом государе русском» и «любви отца-монарха»; не упоминается в переводе и о «благоволении» Иоанна к Мирославу, полностью исключено также из текста чтение Холмским клятвенного обещания. И в деталях своего перевода Кукулевич всячески старается развенчать личность Ивана III и Холмского. Он не называет Холмского «благородным сердцем»; после принятия им «начальства над градом» Кукулевич не упоминает о том, что «окрестные селения спешили доставить изобилие его изнуренным жителям», он не переводит относящиеся к Ивану выражения как «сей великий государь», а выражение «венец Мономаха» у Кукулевича становится просто «коронай самодержца» («kruna samodr̄sca»), хотя переводчик всегда объясняет в своих примечаниях бытовые и исторические термины, связанные с русской или славянской историей! Кроме того, Кукулевич стремится еще более полно, чем это делает Карамзин, «славянизировать» новгородцев; вместо обозначения «русские» он часто пишет «славяне». Надо также отметить и графические выделения некоторых цитат у Кукулевича, который, по-

² Različita djela Ivana Kukuljevića Sakcinkoga. Knjiga prva, pripovijesti. Dio prvi. Sadržaj: Bugarin, pripovijest iz novijeg srpskog života; Marta Posadnica, staroslavjanska historička pripovijest, polag Karamzina. U Zagrebu, 1842. Tiskom kr. priv. ilir. nar. tiskarne Dra Ljudevita Gaja. (Правописание в этом заглавии и в остальных хорватских цитатах модернизировано).

мимо курсивов Карамзина в тексте, и сам выделяет курсивом места, соответствующие его идейным позициям. Так, упоминания о славянах (например, «Потомки славян великодушных!» в речи Марфы Борецкой), отдельные места в монологах Марфы, а особенно характерно выделение курсивом слов в сообщении Михаила Храброго: «*Взаимная злоба братий есть самая ужасная!*» («*Uzajmna zloba i gaspra među braćom jest najstrašnja*»).

Своим переводом повести Карамзина Кукулевич хотел дать хорватскому читателю занимательную прозу, имеющую прямое национально-воспитательное значение. «Марфа Посадница» для него — это прежде всего образец героического поведения вольнолюбивой славянской женщины, жертвующей всем во имя свободы своего славянского города, образ патриотический и пример, достойный подражания для читателя. Это поясняется и в посвящении первой книги рассказов Кукулевича, обращенной к графине Франье Драшкович: «В другой повести, оригинальном произведении великого Карамзина, в лице бессмертной дочери новгородской Марфы, которая, родину и племя свое любя, всем своим милым и дорогим, даже и жизнью пожертвовала, — найдете Вы, светлейшая дама, ясное зеркало мыслей, чувств и желаний Ваших. Она была славянкой, как и Вы; она живет в истории великого народа славянского, как и Вы живете в сердцах всех соотечественников *Ваших*».

Разумеется, прославлению подвига «славянки» Марфы должен был мешать несколько возвеличенный Карамзиным образ «русского самодержца». Поэтому в соответствии со своей идейной концепцией Кукулевич лишил Иоанна III всех положительных качеств. Этими своими сокращениями и изменениями Кукулевич заметно нарушил строй произведения, превратив его из повести, основанной на трагическом конфликте, достойном классической трагедии, в национально-дидактическое произведение, в котором основное значение имеют вольнолюбивые героические монологи Марфы Борецкой. Это отвечало идейным задачам национального движения, связывавшегося со славянской идеей и направленного не только против централизма Габсбургской империи, но и любых других централистских тенденций.³

Значение перевода «Марфы Посадницы», выполненного Кукулевичем, не исчерпывается только лишь самым его появлением и переработкой перевода в соответствии со специфическими задачами

³ Характерным в этом смысле является фельетон загребской газеты «Südslavische Zeitung» (редактор И. Праус, издатель Д. Деметер — оба они являются деятелями хорватского национального движения) — «Zur Charakteristik der Slaven» (1849, № 3, 8 января), в котором централизму царской России противопоставляется демократизм славянских народов, олицетворенный в образах казачества, Дубровника и — Новгорода, причем в связи с упоминанием новгородской «республики» цитируется «История государства Российского» Карамзина!

литературы, подчиненной интересам национального движения. Этот перевод приобретает еще и особенное значение при его сопоставлении с другими оригинальными произведениями Кукулевича, одного из зачинателей хорватской прозы в 40-х годах XIX в.

Кукулевич стал известен в хорватской литературе своим драматическим произведением «Юран и София», которое было опубликовано на несколько лет раньше появления перевода повести Карамзина.⁴ Однако вряд ли появление мотива подвига женщины-гражданки в этой драме можно связать со сходным мотивом в «Марфе Посаднице». Мировая литература изобилует такими мотивами, а в связи с драмой «Юран и София» уже упоминались в литературе историко-патриотические пьесы Теодора Кёрнера. Большинство русизмов, встречаемых в драме Кукулевича, надо считать весьма обыкновенным явлением для периода первоначального развития хорватского литературного языка, и они не могут служить показателями связи Кукулевича с русской литературой и Карамзиным.⁵

Дело обстоит иначе, если подойти к разбору *прозаических* произведений Кукулевича, из которых первое — повесть «Болгарин» («Bugarin») — помещено в том же томике, где и «Марфа Посадница», а второе — повесть «Братья» («Braća») — во втором прозаическом томике Кукулевича, вышедшем год спустя.⁶

Сюжеты этих рассказов не примечательны. Их надо считать традиционными для авантюрной и псевдоисторической повести предромантической европейской литературы.⁷ Основная завязка сюжета повести «Братья» — похищение дочерей турками, а сюжет строится на поисках их братьями и счастливом исходе этих поисков. Первый рассказ, более сложный по построению, своим мотивом соприкасается с сюжетом «Натальи, боярской дочери» Карамзина. Речь идет о девушке, полюбившей человека, за которого отец не позволяет ей выйти замуж; только в рассказе Кукулевича это мотивируется тем, что отец обещал ее своему другу, болгарину, выручившему его, когда он бежал из турецкого плена.

«Слезливость» является характерной чертой обеих повестей Кукулевича. Слезы проливает не только Ясиня «о возлюбленном

⁴ Ivan Kukuljević-Sakcinski. Juran i Sofia ili Turci kod Siska, junačka igra u trih činih. U Zagrebu, 1839.

⁵ Многие из русизмов, употребляемых Кукулевичем, которые в последующем развитии хорватского языка вышли из употребления, находятся как обыкновенные для того времени в словаре Мажуранича—Ужаревича, вышедшем в 1842 г. (I. Mažuranić, dr. J. Užarević. Njemačko-ilirski slovar. Zagreb, 1842), как например «udivljenje» («Erstaunen»), «predloženje» («Vorschlag»), «bezobrazni» и т. п.

⁶ Različita djela Ivana Kukuljevića-Sakcinskoga, knjiga druga. Pripovijesti. U Zagrebu, 1843. Sadržaj: Braća, narodna novella; Pauk, pripovijest iz dogovštine ilirske (polag njemačkoga s promjenami).

⁷ Барац такие сюжеты без основания считал «романтическими». См.: A. Barac. Hrvatska novela do Senoine smrti. Zagreb, 1952, стр. 9; Hrvatska knjižvnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije, knjiga I, Zagreb, 1954, стр. 283.

своём», с «заплаканными глазами» уходит из дому и ее Татомир, плачет и ее мать и даже старый воин Боротин плачет над гробом сравнительно давно погибшего сына: «Ежегодно посещал Боротин в день смерти его это родное и святое место, где его сын умер, орошая горькими слезами холмик, под которым были похоронены кости покойника».⁸

«Чувствительному» стилю Кукулевича соответствуют и жалостные лирические и риторические, декламационно-повествовательные монологи героев, их длинные рассказы о жизни, предшествующей времени, описываемому в повести (очень частые в произведениях Карамзина); особенно характеризует прозу Кукулевича сентиментальная лексика. На страницах произведений Кукулевича льются «горькие» или «горько-сладкие слезы» («gorko-slatke suze»), слышатся «вздохи тоскующих сердец» («uzdasi tugujućih srca»), «сладкими» бывают воспоминания («slatke uspomene») и песни («slatke pjesme»), «милыми» же являются братья («mili robratim»), песенки («mila pjesmica»), матери («mila mati»), голоса («mili glas»), желанья («mile želje»). Кукулевич любит такие выражения, как например «райская сладость» («rajska sladost»), «святая тишина» («sveta tišina»), «вечный мир» («vječni mir»); очень часто у него повторяются прилагательные «тихий» («tiha samoća», «tiha sobica») и «благой» («blaga ljubav»), а среди выражений, обозначающих явления природы, выделяются «милый шум реки» («mili gomol rijeke»), «благой свет» («blaga svjetlost»), «приятная долина» («prijatna dolina Zrmanjska»), «роскошная долина» («raskošna dolina») и т. п.

Кроме того, надо подчеркнуть склонность Кукулевича к частым синтаксическим инверсиям, особенно знаменательным в случаях употребления прилагательного после существительного, а также склонность к ритмическому, бессоюзному членению фразы. Чаще, чем в драме «Юран и София», в рассказах Кукулевича встречаются русизмы, среди которых есть и такие, которых нет в словаре того времени, как например: «nadežda» (в словаре Мажуранича—Ужаревича, «ufanje, nadanje, nada»), «mečta» (в словаре— «fantazija, razmniva»), «pričina» («uzrok, razlog, prigoda»), «blagorodni» («plemenit, uznosita duha»), «blagodatni» («ugodan, prijatan»), а в рассказе «Братья» в одном месте находим даже приветствие «zdravstvuj!».

Все эти упомянутые стилистические особенности двух оригинальных повестей Кукулевича целиком отсутствуют в переделанной им повести немецкого автора («Паук»), опубликованной во втором сборнике его рассказов.

Обе повести Кукулевича характеризуются псевдоисторизмом. Хотя они построены на почти что современных мотивах (недавнее сербское прошлое, события на границе Далмации и турецкой

⁸ Različita djela Ivana Kukuljevića, кн. I, стр. 5.

Боснии и Герцеговины), в них нередко авторские пояснения событий. Автор стремится придать событиям внешне исторический колорит, хотя почти полностью отсутствует и национальная, и социальная речевая характеристика отдельных лиц, а «простонародные» выражения, кроме отдельных турцизмов, в прозе Кукулевича едва ли можно найти. Зато чувствительность, культ идиллического уединения, а особенно культ любви и дружбы («*robratimstvo*») являются важными элементами структуры его повестей, хотя и выполняют несколько иную функцию, нежели в повестях европейского и русского сентиментализма. Так, например, дружбой и любовью в упомянутых повестях мотивируются основные сюжетные происшествия, но в то же время все основные сюжетные узлы подчиняются единому заданию — прославлению национального единства южных славян. На страницах произведений «Болгарин» и «Братья» болгары выручают сербов, герцеговинские магометане и боснийские отшельники помогают хорватам, сербы поселяются в Македонии. Все это: и сюжет, и исторические комментарии автора служат идеологии автора, которому национальное единство «иллиров» (южных славян) рисуется в образе некогда существовавшей и в будущем желаемой сентиментальной идиллии. Сентиментализм в прозе Кукулевича является лишь служебным элементом национально-дидактической направленности его рассказов.

Этим объясняется, конечно, и тот факт, что из всех повестей Карамзина Кукулевич, а также и сербские переводчики выбирают именно ту повесть, которая более всех других соответствовала их идейным и художественным требованиям — менее «сентиментальную», а более историко-дидактическую в их понимании, прославляющую «славянский» Новгород, повесть «Марфа Посадница».⁹

Литературное же «окружение», в котором возникает перевод Кукулевича, позволяет, однако, не только предполагать, но и утверждать, что один из зачинателей хорватской прозы знал и другие повести Карамзина и что связь с сентиментализмом во многом определила стиль первых хорватских повестей, предшествовавших так называемой «турецко-гайдуцкой повести», специфической форме хорватской прозы первой половины XIX в., и что карамзинская проза в ряду других произведений сентиментального стиля могла быть одним из «опорных пунктов» (выражение Ю. Н. Тынянова) при их появлении.¹⁰

⁹ В Сербии в 40-х годах опубликованы два перевода «Марфы Посадницы»: «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» (сочинение Карамзина). — «Сербский летопись», 1843, ч. 2, стр. 113—133; ч. 3, стр. 119—144, ч. 4, стр. 97—125; Марфа Посадница, приповесть из старославянской истории, с рус. — «Српске новине», 1846, №№ 1—14, 16—21, 24—25. Другие повести Карамзина в Хорватии и Сербии не переводились, хотя и упоминались в отдельных статьях о русском писателе.

¹⁰ Связь прозы Кукулевича с традицией устного творчества могла быть только декларативной (ср. концовку произведения «Болгарин» с имитацией

Тридцать лет спустя после перевода «Марфы Посадницы» Кукулевичем образ Марфы был все еще злободневным для литератур сербохорватского языка. Образ вольнолюбивой Марфы, защищающей вольность городской республики и трагически погибающей, вновь привлек внимание писателя Дубровника Матии Бана, создавшего в 1872 г. трагедию «Марфа Посадница»,¹¹ которая была опубликована в Дубровнике и в том же году поставлена на сцене в Белграде.

Трагедия Бана явилась новым переосмыслением литературных мотивов, связанных с образом Марфы Посадницы. Бан свою трагедию строит в основном на мотивах, непосредственно заимствованных из трагедии М. П. Погодина «Марфа, посадница новгородская», также относясь полемически к идее централизма, и тем самым осложняя структуру своего произведения. Бан в своей пьесе стремится подчеркнуть трагизм гибели Новгородской республики и противопоставить вольнолюбивый город, возглавляемый Марфой, коварству Ивана III, его прислужников и изменников в развращенном богатстве и роскошью новгородском стане (Овин, Упадыш). Трагедии Бана присущи также элегические тона, ибо писатель явно сочувствует не только трагически гибнущему Новгороду, но намекает и на судьбу Дубровника, когда, например, Теофиль в I действии трагедии говорит:

Твои богатства все разграблены;
Исчезли твои гордые корабли
С лица морского и бурных озер...

Однако хорватская литературная критика оценила произведение Бана не только как подражательное по отношению к погодинской трагедии,¹² но отрицала и его эстетическую ценность. В появившейся в центральном хорватском литературном журнале «Виенац» в 1873 г. статье («Marta Posadnica, ili Pad Velikog Novgoroda») известный хорватский писатель Август Шеноа дал отрицательную оценку трагедии Бана, не только из-за неумелой и слишком сложной драматической завязки, но и из-за отсутствия основного трагического конфликта, присущего повести Карамзина (сниженного в переводе Кукулевича!), и характерного также, как нам известно, для погодинской драмы, в которой Пушкин отмечал достоинства именно образа Ивана III.

Сравнивая трагедию Бана с повестью «Марфа Посадница», т. е. с одним из ее литературных источников (трагедии М. П. По-

«послания» из устного эпического творчества), а едва ли можно утверждать, что эпиграфы к отдельным главам его повестей, взятые из произведений дубровницких и далматийских поэтов, свидетельствуют о связи его прозы с традицией пасторали в литературе хорватского возрождения!

¹¹ Matija Ban. Marta Posadnica, ili Pad Velikog Novgoroda. Tragedija u pet razdjela. Dubrovnik, 1872.

¹² О подражательном характере трагедии Бана писалось в Сербии сразу после ее появления: «Млада Србадија», 1872, 25 марта, стр. 190—191,

година у Шеноа не было), Шеноа приходит к выводу, что Бан не сумел воспроизвести «возвышенный драматический конфликт», присущий этой повести, и упрекает Бана за то, что он не убедительно мотивировал действия Ивана III и лишил его образ величия: «Исторический Иван, которого Бан мог идеализировать или хотя бы окружить его демоническим ореолом, был лучшим, более возвышенным человеком, а в трагедии это — отвратительное существо, и совсем не драматический характер».¹³

По мнению Шеноа, в трагедии Бана плохо мотивируются и поступки Марфы Посадницы. Хорватский критик, упоминающий в начале своей статьи перевод Кукулевича («prigovijetka, koju je naš Ivan Kukuljević pohrvatio»), по-видимому, читавший, однако, и оригинал Карамзина, ставит повесть «Марфа Посадница» выше произведения Бана: «Карамзин описал в своей истории Марфу Борецкую очень пристрастно, описал ее как царский историк, но зато нарисовал ее в своей повести „Марфа Посадница“ <...> прекрасно, как чудесную защитницу вольности. Куда лучше было бы Бану следовать примеру этой повести не только в связи с Марфой, но и в самом конфликте».¹⁴

«Пусть нас никто не упрекает, что мы здесь выступаем в духе абсолютизма, — пишет Шеноа, комментируя личность Ивана III по «Истории государства Российского», — мы не выражаем здесь свои взгляды, которые остаются свободолюбивыми, но излагаем исторические события, развивающиеся всегда по своим постоянным законам».¹⁵ А. Шеноа в своей статье о «Марфе Посаднице» Бана спустя тридцать лет после перевода повести Карамзина все еще высоко оценивал карамзинское произведение и обаятельный образ Марфы («С какой пылкостью, как остроумно говорит карамзинская Марфа народу!»), но одновременно, осуждая Бана, подходил уже вплотную к взглядам критика-реалиста, отвергающего во имя психологической достоверности и историзма не только неумелое построение трагедии Бана, но и традиции первоначального периода развития хорватской литературы.

¹³ Hrvatska književna kritika, I. Zagreb, 1950, стр. 203.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 199.